

В ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

Рисунок С. КУЗЬМИНА

— Гражданин, вы мешаете уличному движению!

ЖРОЖОДИЛ

№ 31 (1645)

ГОД ИЗДАНИЯ 40-Й

10 НОЯБРЯ 1961

— Здравствуй, доктор!
 — А-а-а! Привет, привет, мой дорогой! Как себя чувствуете, Борис Петрович?

— Сейчас хорошо. Даже очень хорошо. Благодаря вашим советам.
 — А что я вам такое советовал? Не припомню.
 — Уехать в деревню. Прожить месяц на лоне природы.

— Вот именно! На лоне. Я не сторонник всяких там пилюль и микстур. Свежий воздух и покой — вот лучшее лекарство.

— Вполне с вами согласен, доктор. Деревню как лечебный фактор я испытал на самом себе. Принимал три раза в день — до еды, во время еды и после еды.

— Долго?
 — Тридцать дней. По Тургеневу. «Месяц в деревне».

— Где именно? Надеюсь, в глуши, вдали от шума городского?

— Видите ли, я потолковал с тетей. Старушка — весьма информированный товарищ. Вот она мне и посоветовала поехать в Мневники, под Москвой. Когда-то в молодости в этой милой деревушке она нанимала дачу. Речка, корова, курочки, свежие яички, частушки — подмосковные вечера.

— Чудесно! Представляю себе, какое там благоухание! Вставали, небось, с петухами?

— Отдельно. Не хотел им мешать. Петухи любят спать долго, а я просыпаюсь рано.

— По грибы ходили?
 — Еще как! Мое любимое занятие. Я старый грибник.

— Какие там грибы?
 — Разные: и соленые и маринованные. Развесные и в банках. Бывало, сходишь в магазин...

— Эх вы, шутник!.. А как вообще вам жилось в этих Мневниках? Не скучали?

— Там недавно поселились мои друзья. Вот они меня и приютили. Было очень приятно, не скучно. Одно плохо: на стоянке такси всегда мало машин. И до остановки троллейбуса было далеко вато от моей квартиры.

— Ничего не понимаю, Борис Петрович. Где вы жили?

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

— На пятом этаже.
 — Час от часу не легче! Пятый этаж... такси... троллейбус... Вы же сказали, что в Мневниках...
 — Я правильно сказал.
 — В деревне?
 — Конечно. Еще недавно это была деревня. Теперь новый район Москвы. Многоэтажные дома, широкие улицы, большие магазины, «Волги», «Москвичи» и никаких петухов — настоящий город.
 — С кем вы там встречались?
 — Мне никак не удалось завязать близкое знакомство ни с Натальей Петровной, ни с Верочкой, ни с Ракитиным, ни с доктором Шпигельским. Не правда ли, жаль?
 — Жаль, конечно, ежели они хорошие люди. Однако позвольте узнать, кто они такие?
 — Герои тургеневского «Месяца в деревне».
 — Да ну вас! Я с вами серьезно, а вы...
 — Я тоже говорю вполне серьезно. Через неделю я уехал из Мневников. Помнил ваш совет:

на лоне! У меня приятель живет в Кожухове — глухая деревня к востоку от Москвы. Вот что мне было нужно!

— Правильно! Одобряю.

— Я написал в Кожухово. Приятель ответил, что могу приехать. Но, памятуя историю с Мневниками, я дал ему телеграмму: «Пахнет сеном над лугами вопросительный». Он понял и ответил: «Пахнет восклицательный». Я поехал в Кожухово. Приезжаю и первое, что вижу, — чахлую деревенскую хатенку, крытую соломой.

— Какая прелесть! А чем занимается в этой деревне ваш приятель?

— Еще недавно был кондуктором автобуса. Потом в районе честность резко сканнула вверх: автобус начал ходить без кондуктора. Но у моего приятеля золотые руки, он занялся ремонтом лифтов. Тут же, в Кожухове.

— В деревне лифты?
 — В этой деревушке сейчас восьмиэтажные дома, и бывает, что лифты портятся.

В ДНИ СЪЕЗДА

Мы все присутствуем на съезде,
 От ветерана до юнца.
 Товарищ Съезд,
 с тобою вместе
 Сверяем думы и сердца.

В единстве кровном и взаимном
 Храним и строим мир труда
 И с огненным партийным гимном
 Идем в грядущие года.

Сергей СМЕРНОВ

НА ПРОСПЕКТЕ

Бригады и их

— Лифты портятся? Это же настоящий город!
 — То же самое и я говорю. Кожухово уже не деревня, новый район столицы.
 — А хатенка, крытая соломой?
 — Ее соорудили для съемок исторического фильма.
 — А как же насчет «пахнет сеном над лугами»?
 — Приятель говорит, что он не обманывал меня. Над лугами сено действительно пахнет. Но луга от Кожухова находятся на очень почтительном расстоянии... Пробыл я в Кожухове некоторое время, но вспомнил ваш совет: на лоно природы! И решил, что поеду туда, где лужайки, ручейки и перелески.
 — Очень умно!
 — Мой приятель посоветовал: «Езжай, братец, в Мазилово. Тихая подмосковная деревушка. Пруд, садочки, лес и сколько угодно первосортного воздуха». И вот я поехал в Мазилово.
 — Как туда ехать?
 — Очень просто. Садитесь на улице Калинина в метро, идущее по направлению к Филям, и ровно через девятнадцать минут вы в Мазилово.
 — Метро в деревне?
 — А кто сказал, что Мазилово — деревня? Это мой приятель сказал и попал пальцем в небо. Сейчас Мазилово — бывшая деревня. Выходите из станции метро, смотрите налево — прекрасный город, смотрите направо — идет большая стройка. Весело перекликаются строители. Бодро расхаживают башенные краны. Снуют взад-вперед пышущие здоровьем самосвалы. Ездил я туда несколько дней. Смотрел на рождение нового района Москвы, смотрел, наслаждался и чувствовал себя замечательно. Уверю вас, доктор, это — неплохое лекарство.
 — Ну, а как же все-таки насчет моего совета?
 — Ваш совет я все время помнил, доктор. В поисках лоно природы побывал в Зюзине, в Кузьминках, в Волхонке и везде и всюду находил нашу Москву-красавицу, живую, многоцветную, многоголосую. Так я крутился целый месяц, крутился по деревням, не выезжая из Москвы. Но я все-таки поеду на лоно природы, доктор, обязательно поеду!

Г. РЫКЛИН

МАРКСА.

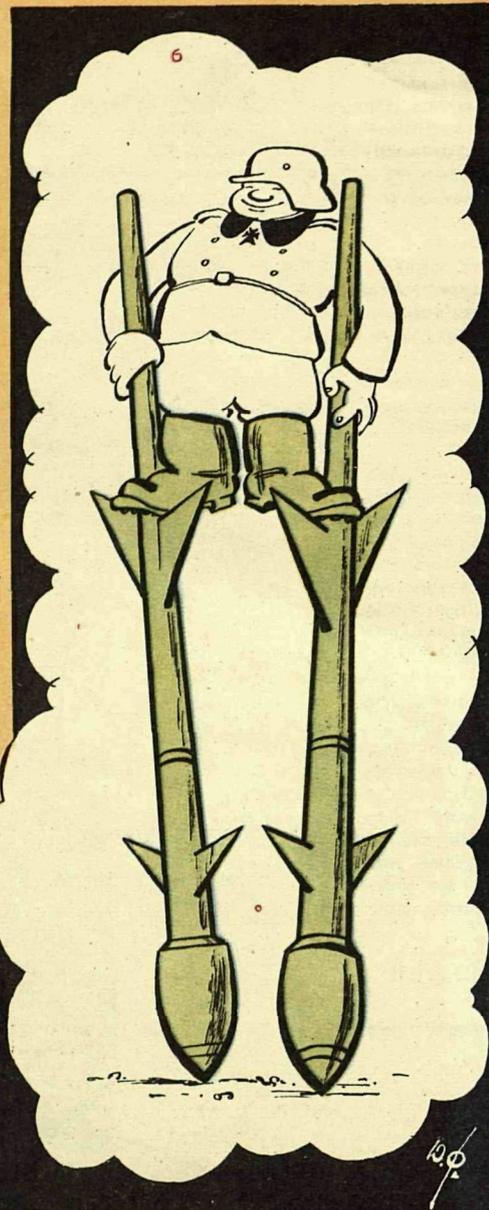
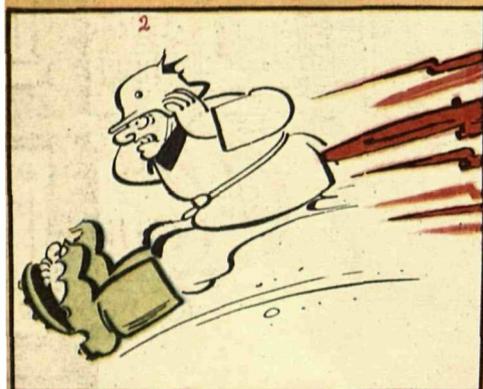
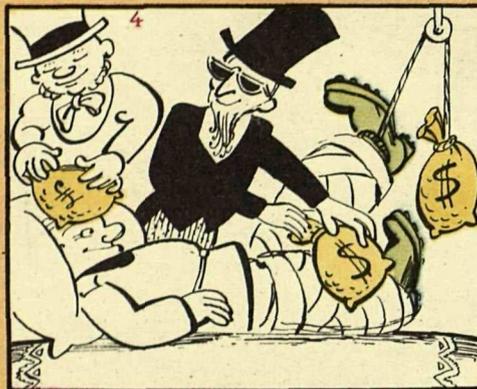
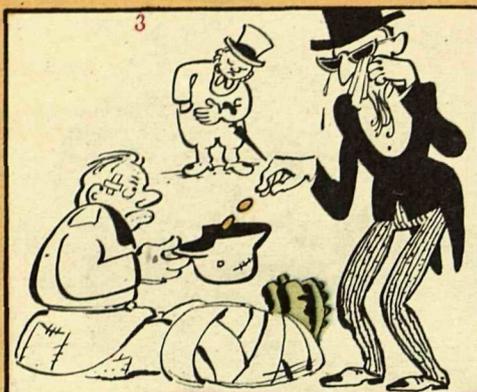
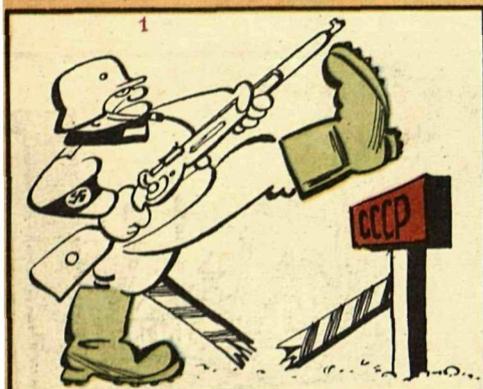

первый бригадир.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Баллада о сапогах

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

1
Пара кованых сапог
Зашагала на Восток.

2
Но остались в краткий
срок
Лишь ошметки от сапог.

3
Дали помощь сапогам
Сэр Джон Буль и дядя
Сам.

4
Фунт и доллар
в краткий срок
Провели ремонт сапог.

5
На Восток войной
шагать
Сапоги хотят опять.

6
Им вручили Сам и Буль
Пару атомных ходуль.

САПОГИ
БЫЛОЙ МАРШРУТ
ПУСТЬ УЖ ЛУЧШЕ
НЕ НАЧНУТ!
А НАЧНУТ —
ОТ НИХ ТОГДА
НЕ ОСТАНЕТСЯ СЛЕДА...

Арт ХОППИ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Одной из причин ухода в отставку Аллена Даллеса был провал интервенции на Кубе. Над бездарностью Центрального разведывательного управления зло издевается американский фельетонист Арт Хоппи из газеты «Сан-Франциско кроникл».

Я сидел в одном из многолюдных кафе на открытом воздухе в Гаване и никому не причинял зла. Вдруг к моему столику приблизился джентльмен с рыжей шевелюрой и черными усами. На голове у него была войлочная шляпа, глаза прикрыты огромными черными очками. Он попросил разрешения занять свободное место и заказал себе «горячую собаку» и кофе.

— Доброе утро, сэр! — воскликнул он, с энтузиазмом пожимая мне руку. — Я обыкновенный, простой кубинский крестьянин. Сейчас совершенно случайно мне поручено выяснить, что думает общественность Кубы по некоторым вопросам. Вот, например, скажите: вы, как лояльный кубинец, одобрили бы насильственное свержение правительства Кастро?

Я ответил, что я не лояльный кубинец, а всего-навсего лояльный американский турист.

— Великолепно, я сразу это почувствовал! — воскликнул он, восторженно хлопая себя по ляжкам. Он доверительно придвинулся ко мне, звеня навьюченными на него киноаппа-

ратами, биноклями и т. п. — Вы, может быть, и не поверите, — зашептал он, — но я вовсе не простой и лояльный кубинский крестьянин, а американский шпион. Мой номер — икс-398 237—40. Зовите меня просто Иксихом.

Я ответил, что, к сожалению, ничем не могу помочь Иксиху в его разведывательных изысканиях.

— Но вы уже мне очень помогли, — сообщил он, радостно улыбаясь. — Откровенно говоря, я предпочитаю интервьюировать только американских туристов. Оно как-то вернее. Потому что если спросить кого-нибудь из кубинцев, готовы ли они восстать против мистера Кастро, они становятся какими-то страшно необщительными. Мне вообще кажется, что это довольно неприветливый народ...

— Значит, вы так и не разговорились по душам ни с одним настоящим кубинцем?

— Не приходилось, — скромно ответил он, — но зато я взял интервью у 3748 лиц кубинского происхождения, и 99,5 процента из них стояли за то, чтобы свергнуть мистера Кастро.

— Значит, у вас все обстоит великолепно с этим вопросом, — сказал я. — А где происходили эти интервью?

— В Майами, разумеется, — ответил он, — там это куда сподручнее, чем тут!

— Трудная у вас работа, — посочувствовал я. — Ужас! — согласился он, поправляя усы, соскользнувшие ему на подбородок. — Каждую минуту Вашингтон морочит голову и чего-то требует. Кстати, нет ли у вас с собой каких-нибудь чертежей секретных укреплений и фортификационных сооружений?

У меня была в кармане открытка с изображением парохода «Морро-Кэстл», которую я ему подарил, вызвав с его стороны живейшую признательность.

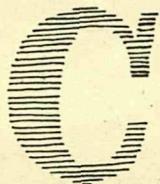
— Так-так-так, — пробормотал он, прикидывая и подсчитывая что-то в уме, — сколько же это стоит? Сейчас посмотрю по реестру расценок за секретные сведения... Пожалуй, да, двести пятьдесят долларов... американских, вот, возьмите!

Я колебался. — Берите, берите, — решительно сказал он, — это ведь входит в графу наших текущих расходов.

— Текущих расходов? — переспросил я. — Не задавайте подобных вопросов, сэр, — вдруг резко и холодно отрезал Иксих, — текущие расходы Центрального разведывательного управления — это область **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНАЯ!**

Перевод с английского А. Барановой.

ПРОРОКИ В КЮВЕТЕ

НЕПЕРЕДАВАЕМЫМ душевным трепетом начинаю я писать это небольшое научное сочинение.

Поймут ли меня?

Учтут ли западные журналисты всю чистоту и искренность моего стремления помочь им, честно и прямо указать на их промахи?

С другой стороны, я не совсем уверен, что даже самые добрые и научно проверенные советы могут оказаться полезными в данном тяжелом случае. Бывают положения, из которых чрезвычайно трудно выбраться.

Для наглядности проиллюстрирую свою мысль конкретным примером. Автомобиль свалился в кювет. Как опытный и бывалый автомобилист (я много раз ездил в автомобилях на ответственнейших местах: непосредственно сзади шофера или даже рядом с ним) я знаю, что из кювета без посторонней помощи автомобилист выбраться, как правило, не может.

Быть пешеходом значительно легче. Более или менее трезвый пешеход, попав в канаву (кювет), инстинктивно стремится лезть вверх, что ему большей частью и удается. Обычно он ползет в сухое место и лишь в наиболее трагичных случаях оказывается опять в луже, еще более глубокой и еще более грязной.

Во всех этих эпизодах, наблюдаемых на транспортных магистралях, советы мало помогают. Как уже отмечено, необходим здоровый инстинкт, личная смекалка попавшего в беду путешественника.

Теперь, после всех важнейших теоретических посылок и предпосылок, изложу суть вопроса.

Установлено, что все буржуазные пророки, предсказывавшие «невыполнимость» советских планов экономического строительства, опозорились. Планы выполнены и перевыполнены. Это признано теперь даже самой враждебной по отношению к нам западной прессой.

Отмечая это обстоятельство, Никита Сергеевич Хрущев говорил на XXII съезде КПСС:

«А те, кто пророчил провал наших планов, пусть сами думают, как выбраться из лужи, в которую они сели. Тут уж не наша забота».

Со всей объективностью научного исследователя отмечаю, что попытки выбраться из лужи повсеместно предприняты.

Забыв свои прежние утверждения о коммунизме как «страшном», «нищенском», «варварском» состоянии человечества, многие буржуазные газеты на Западе начали писать о коммунизме в довольно почтительных тонах.

Почему такое допускается госдепартаментом и другими властями на Западе? Читатель, конечно, догадывается, что все эти неожиданные комплименты в адрес коммунизма делаются неспроста. За ними следуют рассуждения насчет того, что до «настоящего», «истинного», «тотального» коммунизма советским людям жить-жить и не дожить.

Но разве не замечают буржуазные борзописцы, что снова попали в глубокую лужу? Они опять взялись за пророчества: «Еще долго», «еще не истинный». Это не подействует. Сильнее подействует то, что и они — даже они! — теперь фактически признают великую притягательную силу коммунизма.

Все или почти все реакционнейшие газеты на Западе занялись изобретением чего-то эдакого, что можно было бы «противопоставить» коммунизму. Австрийская «Дас клейне фольксблат» призывает государственных деятелей капиталистического общества «создать для людей такой общественный порядок, который они желали бы защищать против соблазнов коммунизма». Значит, на Западе еще нет такого «порядка». Значит, капиталистические порядки — это не то, что может увлечь людей на самом Западе. Канадская газета «Ситизен» уныло признает, что новая Программа КПСС представляет собой «великий соблазн» для слаборазвитых стран и может побудить их «испробовать ком-

мунизм». А «Нью-Йорк таймс» призывает Запад поскорее предпринять «эффективные действия» все с той же целью — дать людям что-то привлекательное, достойное любви и привязанности.

Но вот беда: нет у капитализма ничего соблазнительного, ничего привлекательного.

Вот почему я позволяю себе посоветовать своим идейным противникам: подумайте и поразмыслите над изобретением привлекательного! Бесплезно стонать и ныть, сидя в луже. Мозгами шевелить надо!

Порекомендовали бы они своим хозяевам, ну, скажем, переход от гонки

вооружений на мирные рельсы. Призвали бы согласиться на всеобщее разоружение. Отдать миллиарды долларов, расходуемых на армии, слаборазвитым странам, вернуть бывшим колониям награбленное. Отказаться от новых грабежей, сократить аппетиты монополий. Ликвидировать ку-клукс-клан, расовую дискриминацию, восстановить хотя бы буржуазно-демократические свободы, уничтожить страшный бич безработицы...

Впрочем, с моей стороны это бесполезные усилия. Ведь доказано: свалившемуся в кювет советам не поможешь.

Б. ЛЕОНТЬЕВ

УЛЬТРАЗВУКИ

Рисунок Бориса ЛЕО

— Ты что-нибудь «лышишь»!
— Ничего.

ШУТКИ С ГЕОГРАФИЕЙ

РЕПОРТАЖ ИЗ БРАТСКА

Приехав в новый район или город, командированный старается быстрее освоить местную географию: что где находится, что как называется. А гостеприимные старожилы уже на второй день любопытствуют:

— Как ваши впечатления? Расскажите, что больше понравилось? В Иркутске меня спросили:

— Ну, что вы скажете о Белом доме?

Я ответил:

— То же, что и вы. Президент новый, а политика старая.

Иркутянин рассмеялся и показал мне ассоциировалось совсем с другим зданием. Которое темнее.

Нечто подобное со мной произошло и дальше — в Братске. Мне задали вопрос:

— Знаете ли вы, как поднимется уровень реки Оки в связи с постройкой Братской плотины?

— Оки? Но ведь Ока — это приток Волги...

— Нет, есть и другая Ока, более быстрая и стремительная, — приток Ангары...

Я не успел дослушать моего собеседника: к нам приближался автобус, на котором было написано... Что бы вы думали? Я был готов ко всему, только не к этому. Написано было: «Котлован — Индия»...

После того, как я пришел в себя, мне пояснили: Индией в Братске называют поселок индивидуальных домов. И многие люди, с которыми приходилось встречаться потом, на вопрос, где живете, отвечали:

— В Индии.

Вскоре мне предложили ознакомиться с Ниагарой. Я уже не удивлялся, я знал: в Братске все есть.

«Ниагара» — это гигантский водопад, образовавшийся после перекрытия реки. На стройке говорят: «Ангару превратили в Ниагару». У реки остался только один узкий путь — через два глубоких отверстия плотины. Пятьсот пятьдесят кубометров воды ежесекундно выры-

ваются из этих отверстий и падают в нижний бьеф. Высоко над рекой поднимается облако водяной пыли, и, когда появляется солнце, в облаке встает радуга.

Всему, что вы видите здесь, вы не перестаете удивляться. А ваши новые знакомые — бетонщики, монтажники, сварщики — не преминут добавить в конце беседы фразу, которую в Братске я слышал много раз:

— Тут еще не такие шутки с географией будут!

МОРЕ ЗОВЕТ!

Шутки, надо сказать, очень серьезные и чрезвычайно смелые. Я бы даже сказал, вызывающие.

...Один товарищ из дальних краев получил командировку в Братск. В дороге из-за нелетной погоды задержался, а когда приехал на место, города... не нашел.

Спрашивал местных жителей, говорят: «Нет такого». Как же нет? Известно, что Братск — старинное сибирское селение, основанное триста лет назад, что оно ясно и точно обозначено на картах и имеет ранг райцентра.

Этак помешаться можно! Где же командировочное удостоверение отмечать?

Прибудь на место этот товарищ несколькими днями раньше, он бы смог попасть в райцентр. Но удостоверения ему уже никто бы не отменил: единственным обитателями города были пожарные. Причем занимались они работой, несколько не похожей на ту, за которую им платят деньги.

Пожарные быстро и организованно... поджигали дома. Время от времени они подбегали к своему начальнику и бойко докладывали:

— Все в порядке, дома горят! Над Братском бушевало пламя.

Точности ради надо сказать: огню предавали старые, ветхие избышки, а те здания, что еще годны для жилья, были заранее перевезены в другие места — и как можно подальше.

После пожара начался потоп: старый Братск ушел на дно нового моря.

Так что не верьте справочникам. Город был да слыл.

И картам не верить. На них обозначена непроходимая тайга. А ее нет, непроходимой. Польсела она и поредела. Уступила место дорогам, поселкам, заводам, и на сотни ки-

лометров прочертили ее просеки, на которых высятся ажурные мачты высоковольтных передач.

Но самое главное, конечно, — плотина, строящаяся ГЭС.

Плотина «держит» Братское море — 8 миллиардов кубометров воды.

Море будет подниматься, и плотина будет расти. Строительная высота ее составит 126 метров. Это же небоскреб!

Ангару «заперли» в начале сентября, через несколько дней после братского пожара. Море стало наполняться. Гидрометеорологическая обсерватория ежедневно публиковала сводки: «Сегодня на 8 часов утра площадь моря — 180 квадратных километров». Потом появились цифры — 250, 300, 500, 600... В октябре с «морского охотника» обсерватории поступило сообщение: «Первый шторм!»

Как представить вам Братское море? Вы были когда-нибудь в Сочи, видели Черное море? Очень похоже! То же самое. Только пальм нет.

В общем, глядя на море, нельзя не радоваться.

Но радуются не все. В панике, например, зайцы. Они остались кое-где на островах, и вся надежда у них на дедушку Мазая. Подплывите к ним — и они сами попрыгают в вашу лодку.

В заячьем положении оказался до некоторой степени и директор Братского совхоза тов. Верпета. Не успел тов. Верпета подготовиться к потопу, и море кое-что уже слизнуло у него: пшеничку в валках, сено, инвентарिशко кое-какой.

При этом море смеялось.

А ведь как предупреджали тов. Верпету! Газета «Красное знамя» еще в сентябре поместила карикатуру: сидит на столбике мальчик с биноклем, смотрит вдаль. Внизу стоит Верпета: «Сынок, далеко ли море?» «Пока не вижу».

Если потомки, изучая историю, достанут со дна Братского моря сеялку, то убежденный сединой профессор, видимо, пояснит им:

— А это, товарищи студенты, памятник бесхозяйственности, которая еще наблюдалась в середине XX века...

Не удивляйтесь тому, что командированный не застал Братска. Он ведь приехал издалека. Некоторые товарищи жили рядом и тоже кое-что прозевали.

Море зовет! И прежде всего оно зовет к порядку.

ПРИНИМАЯ ГОСТЕЙ...

В Братск часто приезжают иностранцы. Разные иностранцы, конечно.

У одних глаза лучатся восторгом. Другие сдержанно улыбаются. У третьих глаз не видно вообще: они спрятаны за светофильтрами. Темные очки хозяин не снимает ни на минуту: может, не хочет, чтобы взгляд его был понят. Но это не спасает: здесь умеют понимать.

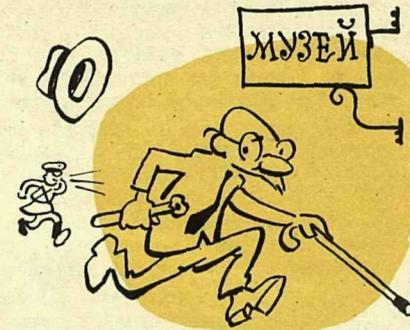
Встречают всех строители гостеприимно. Единственно, к кому они относятся настороженно, — к нашим музейным работникам.

В этом я убедился, когда в одном из коридоров меня остановила женщина.

— Вот вы здесь ходите, — не очень дружелюбно сказала она, — скажите, вы не из музея?

— Нет, — пятась в сторонку, ответил я. — А почему вы это так ко мне...

— Да вот опять керн украли. Ничего оставить нельзя. Все тут же на месте превращают в экспонаты...

Стенгазеты тащат, сообразительства тащат, фотокарточки тащат. Эдак и до документов дойдет! Будут мой профбилет под стеклом показывать, а у меня стаж пропадет...

Когда на стройке окончательно убедились, что я не музейный работник и от меня можно не прятать кое-какие вещи, могущие представлять ценность для потомков, — отношения наладились.

Но вернемся к началу.

В Братск часто приезжают иностранцы. Среди тех, кто оставил о себе неизгладимую память, корреспондент одной западноевропейской газеты.

О людях и о стройке он, видимо, имел предвзятое мнение и старался подгонять под него «фактики».

Встречает парня в котловане.

— Кто вас заставил сюда приехать?

— Сам.

— Может, вас выселили откуда-то?

— Нет.

— Ну, с чьей-то стороны было давление?

— Было.

Корреспондент оживился:

— С чьей? Можете сказать мне тихо.

Парень доверительным шепотом ответил:

— Со стороны совести.

Для иностранного гостя он интереса уже не представлял, и корреспондент подбежал к девушке.

— Где родились?

— В Краснодаре.

— Родители там?

— Там.

— Вы не собираетесь вместе с ними жить?

— Собираюсь.

— Значит, бежать отсюда хотите?

— Нет, родители ко мне переедут.

Опять осечка!

Однажды «Волга», в которой ехал иностранный гость, притормозила, чтобы разминуться с встречной машиной. Корреспондент

чуть ли не на ходу выпрыгнул из машины и вскинул фотоаппарат. Обрадовался: увидел избушку-развалюшку.

Сделал несколько кадров и вернулся сияющий: «Наконец, то, что

надо!» Достал блокнот, спросил сопровождающего:

— Что за дом? Кто в нем живет?

— Пишите, — сказал работник стройки. — Дом, в котором никто не живет, который предназначен на слом, так как это зона затопления. Если хотите поговорить с бывшими хозяевами, поедemте в новый поселок.

Корреспондент снова потускнел.

ПАХ, БАХ И УСОС

Мне надо было встретиться на стройке с одним человеком. С кем — в данном случае неважно. Допустим, с Ивановым.

Задача не из легких: во-первых, стройка раскинулась на многие километры; во-вторых, все здесь в движении, особенно начальство.

— Так вам товарища Иванова? — переспросила девушка. — Он уехал. По-моему, в УЭСМЭСПЭ...

— Что это такое?

— Управление строительства и монтажа сетей и подстанций, — ответила она, окинув меня взглядом, каким смотрят на людей темных и невежественных. — А может, он заглянет в УПЭПЭ...

— ??

— Управление производственных предприятий. Или УЭСГЭС...

— ??

— Управление строительства гражданских сооружений. Не исключено, что он решил заглянуть в УАТ...

— ??

— Управление автомобильного транспорта. Или в одно из АТУ...

— ??

— Автотранспортный участок. Впрочем, он хотел заехать в ПАХ — пассажирское автохозяйство. Или в БАХ — Братское автохозяйство. Трудно сказать, где он...

— А скажите, пожалуйста, — снова заговорил я. — Не очень ли много на стройке разных организаций? Не мешают ли они порой друг другу? Не порождает ли узкая специализация некоторую неорганизованность? Только заранее прошу извинить: это я в порядке предположения...

Девушка подумала и сказала:

— Бывает. Вот, например, 44-й карьер отставал. Это где добывают камень диабаз. Он и сейчас работает неровно. Карьер относится к ведомству камнедробильного завода. Буровзрывные работы выполняет Гидроспецстрой. Подготовку к бурению проводит управление механизации, сжатым воздухом обеспечивает УПЭПЭ, транспортирует диабаз

УАТ и так далее. В общем, один сверлит отверстие, другой кладет взрывчатку, третий подносит шнур, четвертый поджигает, пятый убегает.

— А где же все-таки Иванов?

— Ах, да, Иванов! — вспомнила девушка. — Бог знает, может, он даже в УСОСе — управлении строительства основных сооружений. Впрочем, я путаю: УСОС упрям, и сейчас все называется по-другому. Пойдите, разберусь...

У НЕЕ ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА...

Мыс Пурсей — место живописное, лирическое. Отсюда, с головокружительного обрыва, открывается вид на плотину, на Ангару, на Братское море.

В нескольких метрах ниже обрыва на выступе скалы какой-то добрый и остроумный человек выбил надпись: «Привет отдыхающим!». Как держался этот человек над пропастью — непостижимо.

Надпись сделана не случайно: сюда приходят отдыхать, здесь место свиданий.

Представьте себе. Она и он встретились. Им очень хочется поцеловаться, но нельзя. Он хочет томно и нежно заглянуть в ее очи, но нельзя. Мешают посторонние. Вокруг влюбленных роятся тысячи назойливых, кровожадных мушек. Это гнус. Здесь называют его еще и по-другому — «мошкА».

Дабы охранить себя от ее укусов, девушка и парень предусмотрительно надели... накомарники. Вот почему не может он томно и нежно заглянуть в ее очи.

Свидание в накомарниках — это, может быть, романтично, но не очень приятно. И надпись «Привет отдыхающим!» выглядит в этот момент несколько издевательски.

От кого привет? От Министерства здравоохранения? От Академии медицинских наук?

Строители не раз обращались к ним с просьбой: помогите уничтожить гнуса, он не дает выйти на улицу. Может быть, на свидание и отправившись в накомарнике — чего не сделаешь во имя любви! — но работать крайне неудобно. Производительность труда падает. От укусов «мошкИ» возникают синяки, отеки, повышается температура, нередко врачи вынуждены давать пострадавшим бюллетень.

Прошлым летом и осенью «мошкА» буйствовала особенно: обнаглевала, почувствовала, что управы на нее нет.

И действительно нет. Ученые-медики не откликнулись, не помогли. Как бороться с «мошкИ» и что это такое, неизвестно.

А что же известно? 1) Что она кусается; 2) что у нее голубые глаза, если посмотреть в микроскоп; 3) что кусаются не самцы, а самки, причем нельзя сказать, кого они предпочитают — женщин или мужчин: всем достается; 4) что каждый

год гнус появляется в одно и то же число — 22 июня, поэтому строители прозвали его «фашистом».

Желательно бы иметь еще кое-какие сведения. Ну, например: когда же на гнуса будет объявлено нападение? Доколь разбойничать ему безнаказанно?

Очень просили меня строители: «Передайте ученым, пусть придут к нам. Мы назначим им свидание в обычном месте — на мысе Пурсей».

В СМЫСЛЕ ШАНСОВ

Я не сделал еще одного важного сообщения: Братским морем затоплены Пьяновские пороги и село Пьяново.

Происхождение этих экзотических названий объясняют легенды. Одна из них говорит, что каждый раз, преодолев опасные пороги, купцы на радостях устраивали грандиозные попойки. Другая свидетельствует: здесь, в этом месте, перекупщики выменивали у тунгусов меха на водку. Третья...

Третья, в общем, даже не важна. Ясно одно: тут пили.

Теперь нет ни порогов Пьяновских, ни села Пьянова, но традиция, как говорят, еще жива. Она, к сожалению, не ушла на дно морское.

На щите «Комсомольского корчевателя» несколько фотографий не очень трезвых людей: плотника Ю. Мялика, слесаря Н. Федорова, гидроэлектросварщика Н. Павлова.

Это правильно. Пьяновские обычаи надо выкорчевывать!

Но на том же щите наше внимание остановили стихотворные строчки:

Книга, спорт и турпоходы
Вышли, говорят, из моды.
И выходит: кроме танцев,
Нет на отдых больше шансов.

Мы понимаем иронию безымянного поэта. Но о «шансах» хочется поговорить всерьез. Их и вправду мало, «шансов».

За то время, пока строят клуб «Ангара», на самой Ангаре была возведена великая плотина, возникло Братское море. Плотина есть, море есть, клуба нет.

Разделяет судьбу клуба и кинотеатр.

В коллективных договорах и других исторических документах существует раздел, озаглавленный строго и по-деловому: «Соцкультбыт».

Но возьмите наугад хоть «соц», хоть «культ», хоть «быт» — дела маловато. Не очень видно их, бытовых грандсвершений, соответствующих масштабам стройки!

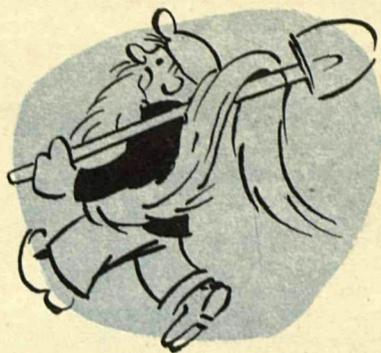
Иначе не кочевали бы из одного коллективного договора в другой «прачечная на 500 кг белья» и «баня на 95 мест».

Иначе построили бы за год на левом берегу хоть одни ясли, хоть один детский сад. На худой конец переселили бы из здания детского сада Дом техники.

Иначе решили бы вопрос о профилактории, о мясокомбинате, о заводе безалкогольных напитков. Чудесная ведь идея — построить невдалеке от бывших Пьяновских порогов завод безалкогольных напитков! Но суть не только в идее, которую пытаются осуществить не первый год. Суть в том, что медики повсюду расклеили предостережения: «Не пейте сырую воду!» Это в связи с заполнением моря, которое бродит, как молодое вино.

Иначе... Да мало ли можно перечислять! Возьмите хоть такой трагикомический факт: на весь левый берег четыре человекапарикмахерских

места... Не полагают ли товарищи из горсовета, что до окончания стройки все должны носить бороды?

Словом, ни побриться, ни попить. Если этот репортаж просмотрит читатель из Братска, он, видимо, недоуменно заметит: «А почему про торговлюничего не сказано?»

Нет, о работниках УРСа я ничего плохого говорить не буду. Более того, возьму их под защиту. Я ими восхищен! Ведь какую титаническую работу надо было им провести, чтобы создать в городе проблему бритвенных лезвий, мужских тру-

сов, носков и зубного порошка! Какое остроумие проявить надо, чтобы завозить на стройку мужские костюмы с плеча Ильи Муромца! Тот, кто не Муромец, ушивай! И, наконец, хочется отметить изобретательность деятелей торговли, закрывающих магазины тогда, когда люди только возвращаются с работы.

Так что «шансов» в смысле «соцкультбыта» не так уж много. Не грех позаботиться об их увеличении.

* * *

...Над Братской плотинной, на высоте 80 метров, проложена эстакада. По ней идет пассажирские поезда «Москва — Лена».

Готовясь встретить XXII съезд партии, строители решили написать на эстакаде ленинские слова: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

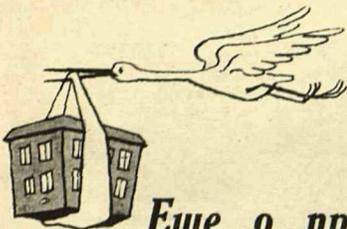
Кто сумеет написать их? Попросили художников, приехавших на стройку. Те примерились: «Восемьдесят метров...» — и отказались поднять свое искусство на такую высоту.

Сделать это вызвался рабочий-бетонщик Иван Степанович Кочкин. В зыбкой льялке, подвешенной к перилам эстакады, над самой «Ниагарой» он работал несколько дней. И написал! Как по-печатному. Красивыми трехметровыми буквами. Чтоб далеко было видно!

Это и смелость и умение. Качества многих строителей Братской ГЭС. Потому и творят они чудеса!

В дни работы XXII съезда мы узнали об одном из таких чудес: воды Ангары привели в движение первую турбину Братской ГЭС — самый мощный гидроагрегат в мире. Строители и на этот раз опередили время.

Борис ЕГОРОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Еще о приросте

Экономисты подсчитали
По каждой отрасли прирост —
Прирост машин, квартир и стали,
Прирост зерна и новых звезд.

Как много смысла в цифре каждой!
Возьмем вот эту, например:
Процент прироста юных граждан —
Наташ и Юр, Сереж и Вер.

Их два десятка миллионов,
Курносых, маленьких, смешных,
Для них сажают в парках клены,
Игрушки делают для них.

Им, нашим будущим героям,
Лететь на звездном корабле.
Ну, а пока для них мы строим
Сады и ясли на земле.

И тут, конечно, вывод ясен:
Никто б из нас не возражал,
Чтобы прирост садов и ясель
Прирост детей опережал.

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

г. Ленинград.

Номенклатурный рядовой

Так получилось, что Петрову
(В ту пору в кадрах был прорыв)
Лишь намекнули как-то к слову,
Чтоб он возглавил коллектив.
Весь просияв от этих слов,
Вмиг встал навывтяжку Петров.
Он каблуками щелкнул даже.
«Я — рядовой! — сказал Петров. —
И если мне страна прикажет,
Я хоть куда пойти готов!»

И вот Петров на новом месте.
Есть свой шофер и брадобрей.
(Как говорит он, трест не треснет
От лишних трех секретарей!)
Из уст Петрова режет что-то
Звучат слова: «Я — рядовой!»
(И то лишь там, где за работу
Ответить надо головой!)

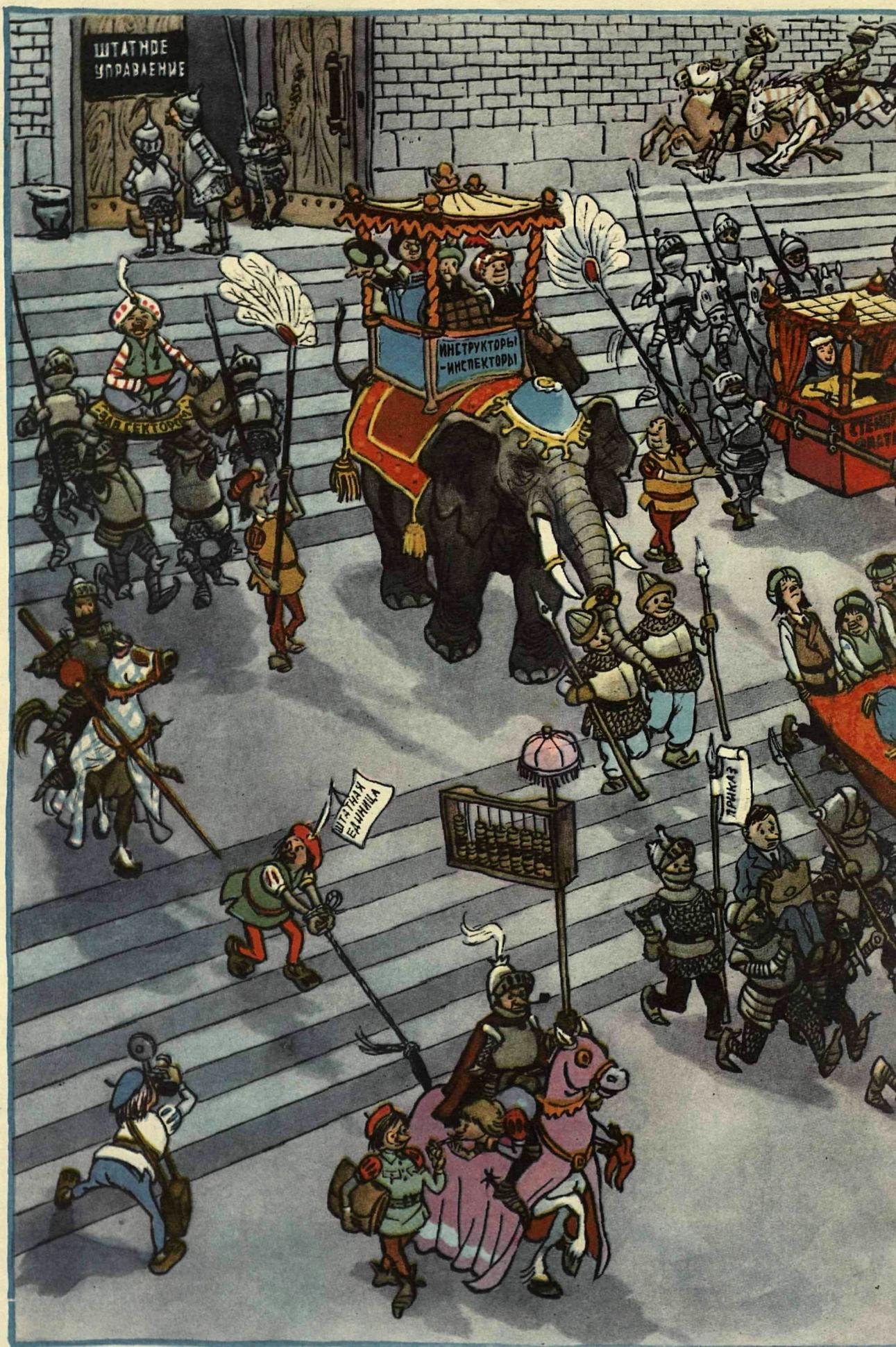
Петров сидит. Дела стоят.
И вот он вызван на доклад.
Мол, так и так... Мы убедились,
Вам не под силу быть главой,
И потому послать решили
На пост обычный, рядовой...

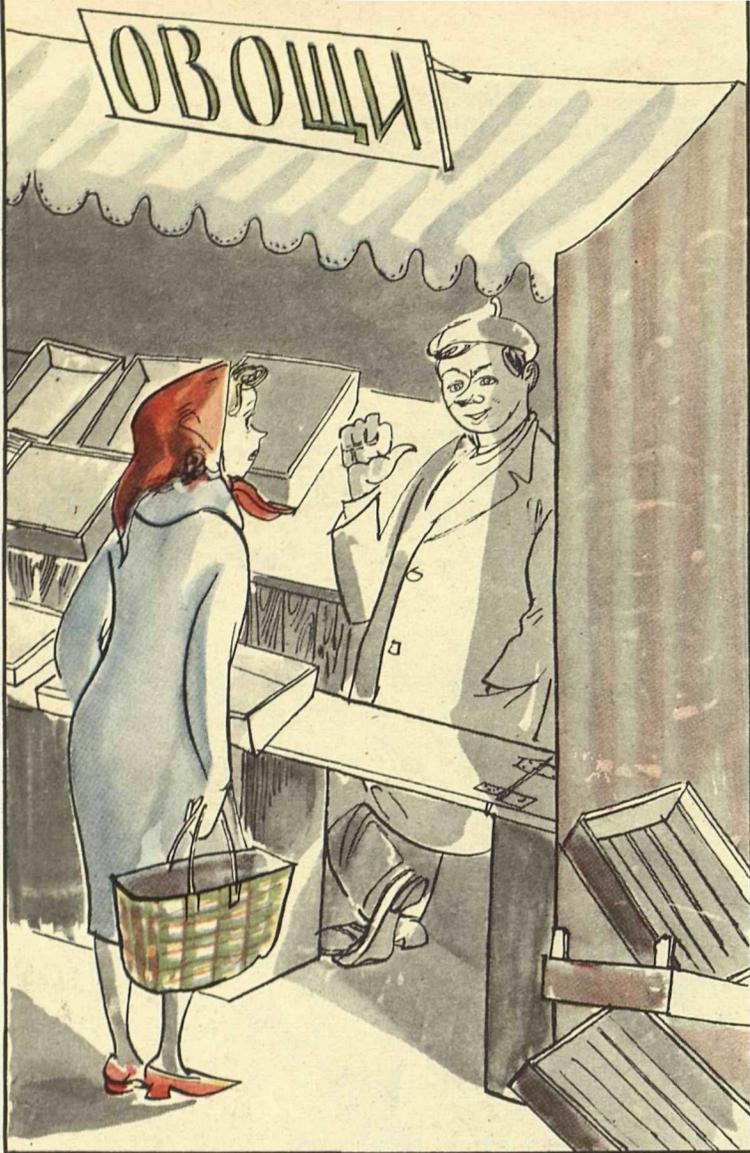
Весь покраснев от этих слов,
Сказал решительно Петров:
«Здесь явно недоразуменье...
Подкоп! Неслыханный скандал!
Мне рядовое назначение!
Но я почти что генерал!»

Не знаю, чем был кончен спор,
Но можно встретить до сих пор
В больших и малых учреждениях
Знакомый голос и запал:
«Я — рядовой!» — при повышенье,
Попробуй снять — «Я — генерал!»

Игорь ТАРАБУКИН

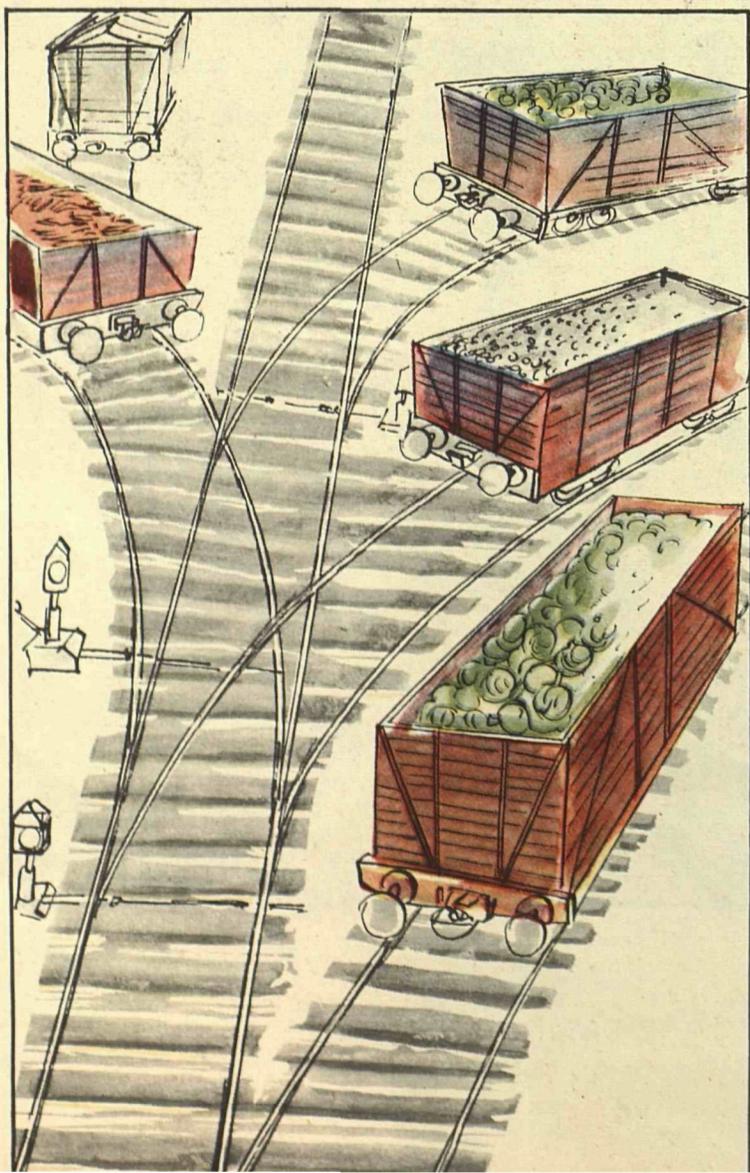
г. Свердловск.

— Где же овощи!
— Они еще на ветках.

Рисунок Б. САВКОВА

ЧУГУНОЛЮБЫ

Время, как известно, — непоседа. Оно упорно не хочет стоять на месте.

Высказав эту мысль, автор вовсе не претендует на открытие: о том, что время быстро движется вперед, писалось и до него. Однако автор считает полезным повторить эту прописную истину. И вот почему.

В те дни, когда наша эпоха, гулко отбивая шаг по автостраде будущего, движется вперед, отдельные личности (не будем пока указывать на них пальцем) сладко дремлют в тиши ведомственных кабинетов. Кто знает, что тому виной: либо врожденная сонливость, либо обитые дерматином двери кабинетов, — но шагов эпохи эти личности не слышат. И очень хочется подойти к плотно закрытым дверям, вежливо постучать в них и гаркнуть в сонные физиономии:

— Граждане, проснитесь! На дворе двадцатый век, век сверхзвуковых скоростей и синтетических мочалок!

Ни один филателист не гордится так своей маркой, как коллектив Ново-Краматорского завода маркой своего предприятия. Это понятно. Ведь завод выпускает уникальные краны и прокатные станы, подъемные машины и роторные экскаваторы, известные всему миру своей добротностью и производительностью.

Но завод выпускает и продукцию, которую вовсе нельзя назвать последним достижением техники.

Это чугуны. Те самые чугуны, в которых наши прабабки варили картошку в мундире и пойло для поросят.

Хотя новокраматорцам хорошо известно, что в наше время хозяйки охотнее пользуются легкими алюминиевыми кастрюлями, а чугунами забиты сельские магазины многих областей, на заводе с остервенением продолжают отливать эту почтенную музейную старину. Впрочем, мы должны отвести тень от доброго имени новокраматорцев. В чугунах они неповинны. Эту посудину навязал им Сталинский совнархоз.

— Кастрюли — это, конечно, хорошо, — рассудили в совнархозе. — Но нет в них чего-то своего, родного, домашнего. То ли дело чугун!.. Весомо, грубо, зримо! Сваришь чугун щей — на всю артель хватит...

Но вот беда. Несознательный потребитель не согласен с плановиками из совнархоза. Не желает он покупать чугуны — и все тут! Кастрюли, вишь, ему подавай, да еще с пластмассовыми ручками!

Чего только не делали в совнархозе: и металл первоклассный отпускали и денег на рекламу не жалели! Кто-то из руководящих деятелей совнархоза в качестве личного примера купил даже два огромных чугуна, приговаривая: «Вот уж каши наварю!» И это не помогло. Не идет чугун. Ржавеют тысячи штук на складах, омываемые горячими слезами сбытовиков Ново-Краматорского завода.

Здесь нет попытки опорочить чугун как таковой. Хотя автор за эмалированные кастрюли, он тем не менее хочет засвидетельствовать чугуну всяческое уважение. Чугуны нужны. Не будем делать наивных глаз и притворяться, что ничего не

знаем о существовании русских печей. И русские печи, и чугуны, и ухваты — все это пока существует.

Но всему этому приходит на смену новый быт, чего плановики из совнархоза явно недоучли. Потому что забыли старую и вечно новую истину: время — непоседа, и чтобы угнаться за ним, нужно смотреть вперед.

Тот, кто часто бывает в служебных командировках, вероятно, успел заметить, что во многих областных городах новые театры похожи друг на друга, как близнецы. Дело в том, что они рождены по одному типовому проекту, утвержденному много лет назад. Сейчас за давностью времени нам трудно восстановить в подробностях, как создавался этот проект. Но ясно одно: составляли его любители чугунов и камзолов. Видимо, это было так.

— Словом, мы сошлись на восьми колоннах, — вытирая пот со лба, констатировал главный архитектор проекта. — Какие будут соображения по поводу кентавров?

— Кентавры — это можно. Это свежо. Полагаю, штук пятнадцать кентавров и сатиров по фронтончику разбросать — в аккурат будет.

— А может, не надо кентавров? — робко заикнулся молодой инженер.

В еретика метнули испепеляющий взгляд. Всем настолько было ясно, что без кентавров театр — это не театр, что крамольника даже не удостоили ответом.

И вот проект утвердили. В нем были и колонны, и кентавры, и сатиры, и фавны, и боги, и полубоги. Словом, проект наглядно продемонстрировал собой все достижения античных эллинов. В различных городах соорудили эти карикатуры на Парфенон и назвали их театрами. И это в то время, когда наша архитектура дала великолепные образцы зданий из стекла и бетона, «которые и дешевле, и удобнее, и даже красивее с точки зрения современной эстетики».

Совсем недавно мне пришлось быть в Белгороде и наблюдать, как заканчивается сооружение очередного парфенончика — областного театра. Рядом с современными промышленными предприятиями Белгорода это здание выглядит таким же смешным и нелепым, как выглядел бы поезд метро, запряженный лихой тройкой орловских рысаков. Даже не верится, что люди, утверждавшие этот памятник старины, присутствуют на митингах по случаю запуска космических кораблей.

Мы живем в эпоху, когда то, что казалось достижением вчера, сегодня выглядит безнадежно устарелым, а завтра будет просто смешным и нелепым. Между тем часто приходится видеть вещи, которые сделаны не с расчетом на завтра, а с оглядкой на прошедший день.

Давным-давно на прилавках появилась новая модель плаща — с дырочками под мышкой. Что же, для своего времени это была выдающаяся победа текстильной промышленности. Это было, если хотите, открытие Америки в смысле плаща.

С тех пор прошло много, очень много лет. За это время переменялись десятки моделей телевизоров, самолетов и локомотивов.

Но плащ остался неизменным, как запоздалая любовь старой девы.

В Домах моделей художники создают новые образцы одежды. Затем лучшие образцы отбираются Художественным советом Всесоюзного Дома моделей и рекомендуются для производства. Казалось бы, все в порядке и вскоре покупатель сможет надеть красивый костюм.

Но не будем спешить. Мы забыли об одной процедуре, которая называется «Расписание моделей по фабрикам». И если, дорогой читатель, ты вместо упомянутого красивого костюма вынужден покупать пресловутый лапсердак, то знай: в этом виновата указанная процедура.

Это выглядит так. В Дома моделей приходят представители промышленности и торговой сети. Народ они прямолинейный, все знающий и «все насквозь видящий». Им одним известно, что любит покупатель и что он не любит.

Итак, на сцене появляется новая изящная модель. Торговцы и представители фабрик морщатся. Что-то в модели есть экстравагантное, незнакомое. И технологию нужно налаживать новую и материал подыскивать... Нет, не надо!

Представляете, что было бы, если бы такие люди определяли развитие промышленности? Тогда мы до сих пор выпускали бы не электронные машины и теплоходы с подводными крыльями, а дотопные счеты и водные драндулеты с мельничными лопастями, которые развивают «головокружительную» скорость — три километра в час.

Чугуны и колоннады, плащи и кастрюли. Казалось бы, что здесь общего? А общее есть, дорогой читатель. Общее — косность, отсталость, привычка жить по старинке.

Почему нужно выпускать такое обилие чугунной продукции, игнорируя несомненный факт, что спрос на нее непрерывно падает?

Почему театр должен быть непременно с колоннами?

Почему плащи должны быть погребального цвета и набившего оскмину фасона?

Как вообще появляется на свет подобная продукция?

Чтобы ответить на этот вопрос, позвольте рассказать один случай.

Много лет подряд Таллинский завод измерительных приборов выпускает водомеры. Увы, эти приборы никак нельзя назвать последним словом техники! Уж очень они древней конструкции, дорогостоящи и трудоемки в изготовлении. Сколько раз говорилось о том, что пора отправить эту конструкцию на пенсию и наладить выпуск более дешевых и совершенных водомеров, тем более что опытные образцы таких водомеров уже есть!

На заводе и в совнархозе согласно кивают головами: пора, давно пора! И втихомолку продолжают выпускать морально устаревшие приборы.

Почему? А все по той же причине. Выпускать новую продукцию — дело неясное, незнакомое... Перестраиваться нужно, технологию менять... Хлопот не оберешься. А тут еще печень пошаливает и нависает угроза над премиальными.

Если ты, дорогой читатель, увидишь театры с кентаврами, плащи с дырочками или приборы устаревшей конструкции, то знай, что делают их все те же чугунолюбы, люди с сонными, улымыми душами, люди инертной мысли и хилого воображения.

В. ТИТОВ

— Раз в отчете назвали водоплавающей птицей, — попробую!

Эпиграммы

Эмиль КРОТКИЙ

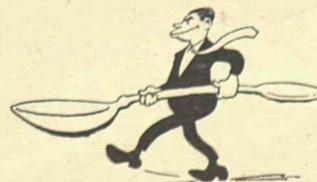
ТУНЕЯДЕЦ

Еда не может надоесть, —
Он не забыл, что надо есть.
Но он забыл, что среди
традиций
Есть и традиция трудиться!

С БОЛЬШОЙ ЛОЖКОЙ

Вот он, полный враждебности
К созиданию, к труду:
— Получать по потребности!
Непременно приду!

ОБРАСТАЮЩЕМУ

Скажи, не мудрствуя хитро:
А не переросло
Твое мещанское «добро»
В общественное зло!.

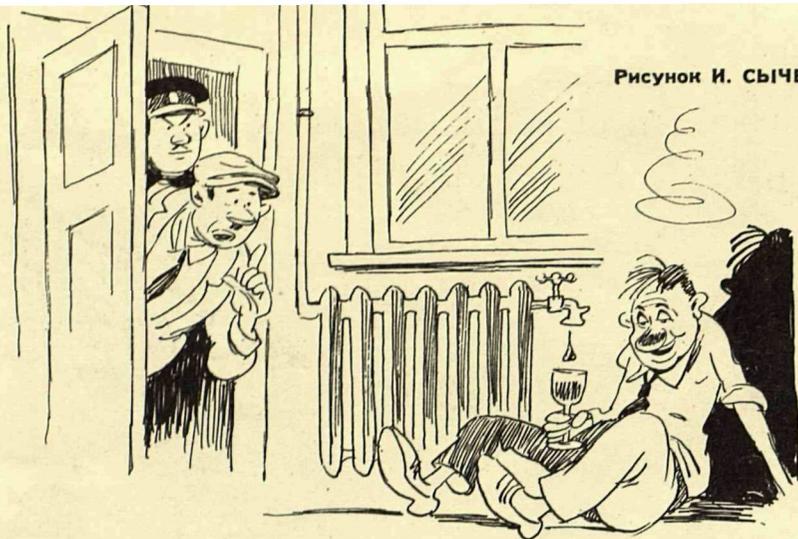

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Послушайте! Это не вы засыпали на чердаке в бачок для отопления сахар и дрожжи!

Рисунок В. ДРОГАЛИНА

Дрессировщик готовится к зиме.

Ответ по существу

Ох, трудно живется у нас бюрократам: Тансь, маскируйся, работе не рад. На выдумку нужно быть очень богатым, Чтоб сразу не выдать, что ты бюрократ. Возьмем для примера, допустим, Алешина: Ему недосуг на работе скучать, Ему ежедневно на службе положено На письма трудящихся отвечать. Что раньше

простой бюрократ

делал с письмами!

Терял, не читал, обходил стороной. Сегодня

так действовать

просто невымыслимо.

Нет, метод теперь разработан иной.

И этого метода главная суть:

Письмо

поскорее кому-то

спихнуть.

К примеру, в каком-то письме говорится:

«Писать мне рабочая совесть велит,

У нас на заводе такое творится,

Что сердце от всех безобразий болит».

И что же! Письмо маринуется! Нет!

Немедленно следует краткий ответ:

«Ваше письмо [номер двадцать дробь

тридцать]

О том, что у вас, дескать, сердце болит,

Мы переслали прямо в больницу,

Куда и следует вам обратиться.

С приветом».

И четкая подпись стоит.

Иль, скажем, бичуя всюю недостатки,

В письме сообщает один гражданин:

«У нас в учрежденье такие порядки,

Что нужен сюда бы писатель Щедрин».

Ответец дается без всяких деталей:

«Ваше письмо насчет Щедрина

В Союз писателей мы переслали,

Чтоб там они этот вопрос разобрали.

С приветом».

И четкая подпись видна.

И с подписью рядом проставлена дата.

Алешин ответить спешит поскорей...

* * *

Хоть трудно живется у нас бюрократам,

Но надо,

чтоб было им

много трудней.

Владлен БАХНОВ

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Л. МОРОЗОВ

В свои шесть лет Витька не знал, что если сосед раздавил найденного тобой навозного жука, то на него надо подавать заявление в товарищеский суд. Он, недолго думая, двинул что было силы своего соседа и сверстника Кольку кулаком прямо в конопатый нос.

— Будешь давить моих жуков?

Это была серьезная юридическая ошибка. Колька взревел и бросился со всех ног домой.

В это время его отец как раз закончил косовицу щетины на левой щеке. Услышав голос родной плоти, он временно оставил нетронутой буйную поросль на остальной площади лица и выскочил на улицу.

Витька сразу почувствовал себя слабой стороной в конфликте и, в свою очередь, возвысил голос против насилия, да так, что его отец, коловший дрова, выбежал со двора, едва не сорвав с петель калитку. И очутился лицом к лицу с соседом.

Оба, всегда жившие в согласии, теперь стояли и смотрели друг другу в глаза так же недвусмысленно, как питекантроп и пещерный медведь, когда они сходились вместе, чтобы обсудить вопрос, кому сегодня ложиться спать сътым.

— Та-а-ак...— сквозь зубы выдавил Витькин отец.— Значит, ты на ребенка с бритвой?..

Колькин отец с изумлением удостоверился, что действительно забыл оставить бритву дома. Но вступать в объяснения как-то не хочется, когда над тобой занесен топор. — А ты на меня с топором?..— угрожающе прорычал он.

Пришел черед вытаращить глаза Витькиному родителю, ибо он увидел, что и вправду сжимает в руке топор.

Ситуация складывалась сложная. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы на душераздирающий вопль Колькиной матери «Караул! Убивают!» в район конфликта не сбежалось полсела. Толпа односельчан вмиг повергла наземь, обезоружила и связала обе враждующие стороны.

Председатель сельсовета окинул профессиональным взглядом количество собравшихся и немедленно смекнул, что будет последним простофилей, если сейчас же не провернет самое массовое мероприятие за полугодие. Благо, в колхозе стоит горячая пора ухода за посевами и созвать такое количество людей в одно место не так-то просто.

— Итак, граждане!— зычно воскликнул председатель.— Очередное заседание сельского товарищеского суда считаю открытым! Кто просит слова?

...К вечеру выступили почти все собравшиеся. К этому же времени подсудимые, выслушав великое множество гневных осуждений и дружеских наставлений, начали понимать, о чем идет речь: оказывается, соседям нельзя убивать друг друга.

А Витька и Колька все это время, объединив усилия, мирно вели изыскательские работы в коровьих блинах. Они искали второго жука.

г. Сенгилей, Ульяновской области.

В. БОГДАНОВ

Николай Николаевич считался на заводе самым принципиальным человеком. Не проходило ни одного собрания, чтобы он кого-нибудь не обличал. Когда он брал слово, у каждого, кто накануне рассказал пикантный анекдот или просидел вечер за преферансом, начинало посасывать под ложечкой.

На этот раз жертвой Николая Николаевича стал молодой мастер прокатного цеха Шустиков, обвиняемый в подхалимстве.

— Неужели никто из присутствующих не обратил до сих пор внимания на то, как заискивает тов. Шустиков перед главным технологом, какими глазами он на него смотрит?!— гремел Николай Николаевич.—

Рисунок М. ВАЙСБОРДА Без слов.

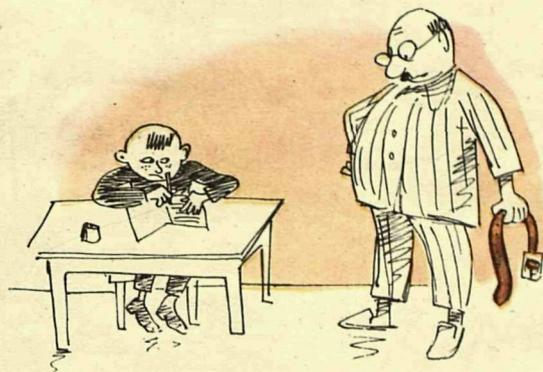
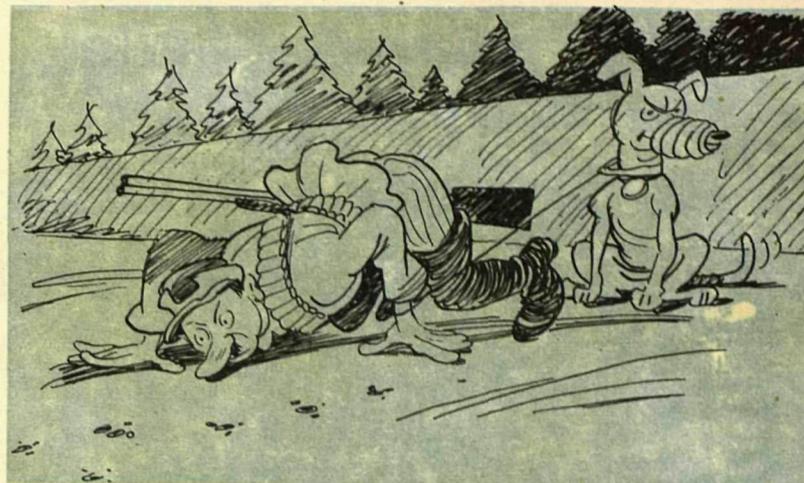

Рисунок С. СПАССКОГО Буквы с нажимом.

У Полкана насморк. Рисунок И. СЫЧЕВА

А когда они встречаются в столовой, в гардеробе?! Каким заботливым и предупредительным становится тогда Шустиков? А цветы?! Я уже трижды замечал в кабинете главного технолога букеты, с которыми, как я случайно установил, на завод проходил тов. Шустиков. Более того, по некоторым данным, тов. Шустиков постарался даже проникнуть к главному технологу на день рождения — не без дорогостоящего подарка, конечно!.. Комментарии, по моему, излишни. И вряд ли у собрания возникнут какие-либо возражения, если я охарактеризую такое поведение как подхалимство. Предлагаю товарища Шустикова осудить и поставить ему на вид.

И собрание, замороженное убедительной речью, чуть было не осудило и не поставило на вид. Да вовремя вспомнили, что Шустиков — неплохой производственник, и решили оставить вопрос открытым. И хорошо сделали, потому что Шустикову и одного обсуждения оказалось достаточно. Он теперь Елену Григорьевну, главного технолога, за версту обходит!

В. ВЕНЦОВ

Весть о том, что Гриша Мохов, слесарь фабрики, назначен заведующим материальным складом, быстро облетела всю его многочисленную родню.

Вечером этого дня в квартиру Гриши валом повалили родственники.

Еще с порога родственники выбрасывали руки в стороны, и Гриша — скромный, розоволицый парень, — как кролик в пасть удава, полз в крепкие их объятия.

— Гришуня, мил человек! — орал, вдавливая в себя племянника, дядя Федя. — Ведь я тебя, голубчик, вот таким помню: на горшок тебя, мил человек, сажал. Дай-ка я тебя еще обниму и поцелую в родственное руководящее лицо!

И, не давая Грише пикнуть, дядя затискивал его в угол, шептал:

— Я, мил человек, соображаю, что к чему... Все-таки ответственность теперь у тебя... А мне, Гришуха, и не надо много. Ты мне маленько уважь. Одним словом, полкилограммчика гвоздей нужно... Сарайчик для боровца стряпаю.

А шурина, щекоча розовое ухо Гриши рыжей бороденкой, увещевал:

— Не спорь! Ты у нас башка-парень, один на всю родню! Все дураки, все плуты, все мошенники! Один ты в люди вышел... Мой Митяха, нет, не таков! Не заметно в нем таких ярко выраженных способностей... Увалень... А ты!.. Эх, что говорить! Принеси, Гришуха, кило олифы... Мелочь, пустяк... Спрашивать бы не стал, да собачья конура не крашена осталась. Неудобно: весь дом крашенный, а конура облезлая... Дай твою честную, благородную руку!

Потом другие родственники просили у Гриши достать: пару листов фанеры, моток бечевки, полсотни кирпичей, две шкурки крота, полкило шурупов, лист стекла, кусочек сапожного вару, ведро извести, топорище для колуна и даже бутылку вазелинового масла.

...Через полгода Гришу Мохова посадили за растрату.

— Вот сволочь Гришка! — отозвался на это событие дядя Федя. — Я его, когда еще на горшок сажал, раскусил! Мошенник!

— Не спорю, — отозвался шурина. — Все люди как люди! Вот мой Митяха, нет, не таков! Честно, благородно живет. Чтобы я этому Гришке руку подал когда-нибудь! Да ни в жисть! У меня в родне таких крупных жуликов никогда не бывало...

г. Вязники, Владимирской области.

А. ГОРЧАКОВ

Марья Ивановна с карандашом в руках углубилась в чтение толстой тетради. В тетради по месяцам и дням записаны именины, рождения и прочие семейные праздники родных и знакомых, а также ведется строгий учет получаемых и раздаваемых подарков.

— Сентябрь! — вздохнула Марья Ивановна. — Самый трудный месяц: шесть рождений, десять именин! Леночка, — обратилась Марья Ивановна к дочери, — что тебе подарила в день рождения тетя Вера?

— Сумочку, — отозвалась из соседней комнаты Леночка, — коричневую, впрочем, нет, белую.

— Ты, дорогая, как всегда, путаешь: белую тебе принесла Анна Ивановна, а коричневую — Манечка Черных. Кстати, сколько у нас этих дареных сумочек?

— Пять или шесть. А вазочек набралось еще больше, — заметила Леночка. — Не забудь, мамочка, и о чашках и приборах для маникюра.

— Знаю. Все это я пушу в ход тридцатого: ведь у нас три Веры, две Любочки, две Надежды — тетя Надя и Наденька, дочка Анжелики Сидоровны, — и четыре Софочки!

— При распределении чашек учти, мамочка, что две чашки в синих горошинах подарила нам Любочка Широкова, смотри, чтобы они не попали к ней обратно. Подарим ей прибор для маникюра, их у нас три.

— Нет, прибор нельзя. Любочка дружит с Агнией Сергеевной, которая принесла прибор на твои именины. Любочка сейчас же покажет его Агнии, и выйдет скандал.

— Ну, дай ей клипсы.

— Верно, подарю ей клипсы, те, что со стрелами: Любочка любит все оригиналь-

А. ЛЕЙНЬ

Для автора это была ночь волшебного вдохновения. За шесть часов — новый фантастический рассказ о путешествии на Плутон.

Рассказ он отправил по почте.

Через шесть дней его получила редакция журнала «Космос».

Шесть недель рукопись пролежала в отделе писем.

Шесть месяцев спустя ее прочел заместитель редактора.

Шесть лет рассказ находился в папке с надписью «Резервные материалы».

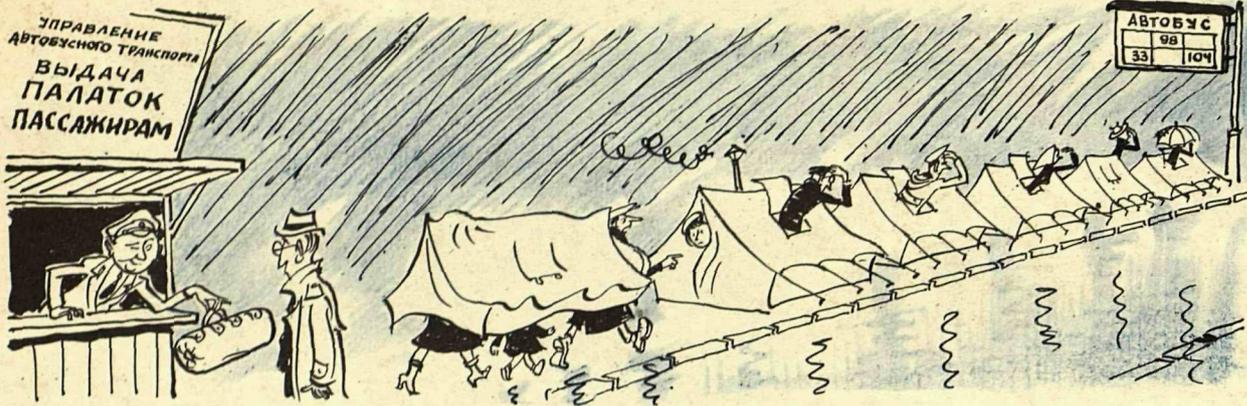
Шестьдесят лет спустя его нашли в редакционном шкафу и передали в архив.

Прошло шестьсот лет.

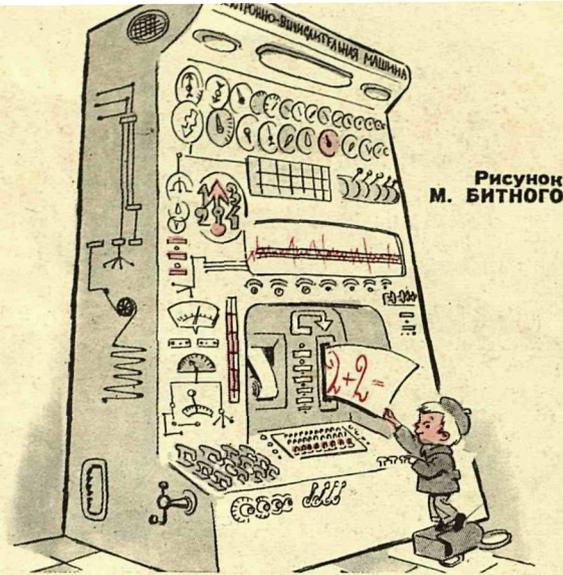
Архивариус случайно нашел рукопись, прочел ее и срочно передал редактору журнала «Космос».

На следующий день рассказ был опубликован в «Космосе» под огромным заголовком «Новый исторический документ о первом путешествии на Плутон».

Перевод с латышского.

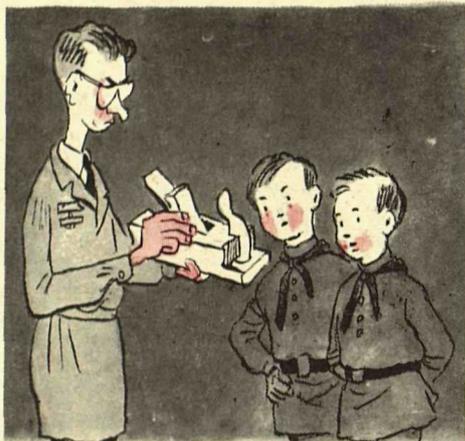
Новое в обслуживании пассажиров.

Без слов.

ное, ну и пусть их носит. Хотя что же это я? Опять ты меня спутала. Ведь клипсы принесла дочь Любочки, Любочка 2-я. Придется подарить ей...

Марья Ивановна не договорила. У нее потемнело в глазах. Тетрадь и карандаш выпали из рук. Подарки хорошею носились вокруг нее, угрожая вернуться именно к тем, от кого они были получены...

Железки

А. СЕПП

Новенькие верстаки и аккуратно расставленный на полках столярный инструмент поблескивают под ярким электрическим светом. Учитель химии в новом синем халате проводит урок столярного дела. Учитель вынимает из рубаночной колодки железку и спрашивает:

— Как это называется?

Мальчики смущенно молчат, но в конце концов Антс все-таки произносит нерешительно:

— Рубаночная железка...

— Железка, железка... — недовольно повторяет учитель. — Не все же металлические предметы обязательно из железа! Отец у тебя, Антс, столяр, с утра до вечера ты торчишь в мастерской, не учишь уроков, и смотри, даже не научился правильно называть инструменты. Запомни раз и навсегда: это — рубаночное лезвие!

Учитель вставляет лезвие в рубанок и начинает строгать. Однако вместо того, чтобы плавно скользить, рубанок пару раз подпрыгивает, а дальше ни с места.

Учитель продувает рубанок, рассматривает инструмент на свет, пожимает плечами и пробует снова. Но результат тот же: рубанок не строгает. Пробуя в третий раз, учитель нажимает изо всех сил. Дойдя до ближайшего сучка, рубанок останавливается столь решительно и неожиданно, что руки учителя отлетают от инструмента, ударившись при этом об верстак. Шевеля ушибленными пальцами, он ворчит:

— В школы вечно посылают никуда не годный брак!

Забракованный рубанок откладывается в сторону.

Занятия продолжаются. Учитель сидит у стола, время от времени дует на пальцы и со злостью листает книгу «Столярный инструмент в повседневной жизни». Вдруг его внимание привлекает группа мальчиков, оживленно хлопочущих вокруг верстака...

У Антса в руках тот самый забракованный рубанок... «Шух! Шух!» — вылетают из-под рубанка широкие белые стружки...

— Кто тебе позволил взять рубанок? — грозно вопрошает учитель. — Испортишь ведь его вконец!

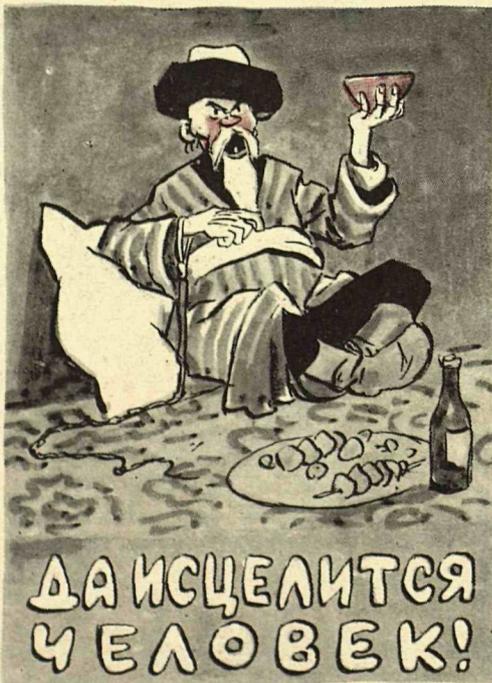
— Я извиняюсь... рубанок в порядке, только... эта самая... железка... задом наперед...

— Что за железка? Что задом наперед? — гремит учитель, а между тем его шея и щеки покрываются густой краской. Сообразив, что он опять рассердил учителя неточным ответом, Антс спешит поправить дело:

— Нет, не железка, а рубаночное лезвие. Вы вставили рубаночное лезвие задом наперед.

— Так бы и говорил, что рубаночное лезвие, — назидательно говорит учитель. — Запомни раз и навсегда!

Перевод с эстонского.

ДА ИСЦЕЛИТСЯ ЧЕЛОВЕК!

Культай ТУГАНБАЕВА

К нам домой зашел знакомый моего отца. Как и полагается, отец встретил его радушно.

— А, мой почтенный друг Курекен, проходи, проходи вперед! — приговаривал он, ведя гостя под руку.

Гость прошел в передний угол, сел на

ковер и, опершись на большую пуховую подушку, тяжело вздохнул.

— Как поживаете, уважаемый? — вежливо спросил отец.

Курекен еще раз вздохнул. Видно было, что он чем-то расстроен.

— О Алеке, не спрашивай меня. Как может чувствовать себя человек, если некие субъекты отравляют каждый день его жизни! Ты, наверное, слышал, что теперь у нас в колхозе новый зоотехник. Так вот, не успел он приехать, как стал заводить свои порядки, ни с кем не считается. Что и говорить, современная молодежь чихает на этику. Этих выскочек не останавливает ни положение человека, ни его возраст...

Тем временем мать принесла на подносе угощение. Отец достал из-под кровати зеленатоватую бутылку и откупорил ее. Увидев водку, гость откашлялся, как оперный певец перед выходом на сцену.

Выпили по одной.

Теперь уже глаза Курекена метали молнии.

— Смеет указывать мне, что я не берегу поголовье! Нет, вот раньше была молодежь! Старших уважала так, что крути ее, как хочешь. Этот же уперся на своем, с места его не сдвинешь. А бедные овцы...

— Это вы про Жаксылыкова рассказываете? — перебил отец. — Но о нем говорят как о хорошем специалисте, он ведь и ветеринарное дело знает...

— На кой черт мне его знания, если он старших не уважает! — продолжал Курекен. — А бедные овцы...

— Да что у вас с овцами приключилось? — снова перебил отец. — Мор, что ли, какой напал?

— Никакого мора. Просто состарились две овцы и сами сдохли.

Курекен пылливо взглянул на отца.

— Поверь, они действительно были старые. Бесбармак получился такой жесткий, что гости еле справились с ним. А Жаксылыков не подписывает акт на этих бедных овец. Вы, говорит, поголовье колхоза разбазариваете. Щенок, вздумал старших учить!

Долго еще бушевал Курекен, пока не допил всю водку. А когда он наконец ушел, моя мать, набожная женщина, сказала:

— Слава аллаху, что у них в колхозе появился этот Жаксылыков. Хороший, видать, специалист, если он не только за овец, но и за нашего Курекена взялся. Да исцелится человек!

Перевод с казахского.

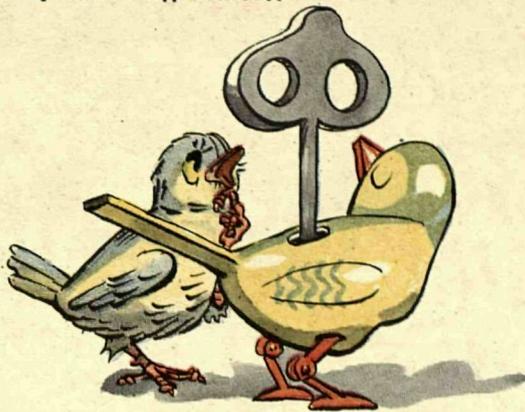
МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Касса! Не выбивайте за рыбу! Клев кончился...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Как живешь!
— Перешел на механизацию.

Рисунок А. ШАБАНОВА

По рассеянности.

ВЕЛИЧИНА

Сказка

Позавидовала Единица Десятке.

«Конечно, с такой кругленькой суммой, как этот ноль, я бы тоже кое-что значила!»

Поэтому, когда Единице удалось наконец обзавестись нолем, она не поставила его сзади себя, как Десятка, а выставила наперед: пусть, мол, все видят!

Получилось очень внушительно:

0,1.

Потом какими-то честными или нечестными путями Единица еще один ноль отхватила. И тоже выставила его наперед. Смотрите, дескать, какие мы:

0,01.

Единица стала входить во вкус. Она только и думала, как бы скопить побольше нолей, и после долгих и мучительных усилий ей удалось собрать их в большом количестве.

Теперь Единицу не узнать. Она стала важной, значительной — куда до нее какой-то Десятке!

Теперь Единица выглядит так: 0,00000000001.

Вот какой величиной стала Единица!

Ф. КРИВИН

г. Ужгород.

СИМФОНИЯ

Имел, конечно, автор на уме
Служить достойно доблестному веку,
Но в музыке его ни бе, ни ме,
Ни до, ни ре...
Одно лишь кукареку!

КИНОКОМЕДИЯ

Кинокомедий много есть,
От них ни света, ни тепла нам,
Улыбки чахлые там сияют,
расцветь,
А деньги плачут... крупным планом!
АРГО

ПРОИСШЕСТВИЯ

Поэт и орел

Сыздавна поэты, начиная с Державина и Пушкина, дружили с орлами. Эту поэтическую традицию смело нарушил поэт В. Урин. Вернувшись в Москву из очередного автомобильного путешествия по стране, он привез живого орла. Бедный орел с подрезанными крыльями и укороченным хвостом сидит на крыше поэтовой «Победы», привязанный за ногу веревкой. На стоянках возле «Победы» с орлом на крыше толпятся любопытные. Орел сучит ногами, поэт В. Урин пожинает славу. Когда машина трогается, орел слегка взлетает на веревке.

Чтоб ляды точили и внуки и деды,
Чтоб каждый зевака завидовал мне,
Орел, с персональной поднявшись «Победы»,
Парит на веревке со мной наравне!

С. А.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Граждане судьи! Прошу учесть тот факт, что на скамью подсудимых меня привела теща, которая коренным образом вмешивалась в мою семейную жизнь...»

(Из последнего слова подсудимого.)

«Платить четыре рубля за вырезатель отказываюсь, так как, во-первых, меня загатачили туда насильно, а во-вторых, купали в холодной воде.»

(Из жалобы.)

Собрал В. ФРОЛОВ.

г. Одесса.

«Наблюдая в нашем учреждении веселые картинки, я пришел к самым грустным размышлениям.»

(Из выступления в прениях.)

«Как сутяга и склочник я никогда не противопоставляю себя коллективу, так как действую исключительно индивидуально.»

(Из выступления в товарищеском суде.)

«...но есть у него и одно положительное свойство. Как болтун и бездельник, непосредственной опасности для общества он не представляет. Может быть ис-

пользован на низовой работе без ущерба.»

(Из служебной характеристики.)

Записал В. ЩЕЛЫВАНОВ.

г. Чебоксары.

«Тов. Грецких, окончив кулинарную школу, поступил на нашу фабрику-кухню и в первый же день заварил такую кашу, которую нам пришлось расхлебывать.»

(Из докладной записки.)

Копию снял И. ЕРМОЛАЕВ.

«После обеда я обнаружил в котельной бутылку с жидкостью. Попробовал на язык — не разобрал. Налил в стакан, выпил — оказалась водка. Что делать? Подумаю еще, что я сам принес ее на работу. Чтобы не вызвать несправедливых подозрений, я выпил всю бутылку.»

(Из устных объяснений.)

«Активно работал и работаю до настоящего времени, был премирован и два раза вывозился на сельскохозяйственную выставку.»

(Из заявления в суд.)

Записал А. ЗАЙЦЕВ.

Московская область.

Отметили...

На Сургуче оттиснули печать,
И стал Сургуч
друзей не замечать!

Вл. КАПНИНСКИЙ

Нечаянные чаевые

Кузьму за чаевые
Оправдывался он:
«Я брал на чай нечаянно!»

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

г. Чернигов.

Рисунок Е. МИГУНОВА

К закрытию футбольного сезона.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00360. Изд. № 1765. Подписано к печати 30/X 1961 г. Формат бум. 70×108 1/8. Заказ № 2900. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, ул. «Правды», 24.

КРОКОДИЛЬСКИЙ

ТЕАТР

ТЕНЕЙ

38662

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

10 НОЯ 1961

ПРОШЛОГО...

Всесоюзная
Книжная палата
КОНТРОЛ. ЭКСП. КОМ.
1961 г.

Тень самодержавия [исчезла навеки]

Белогвардейско-интервентские тени [развеваны в прах]

...И НАСТОЯЩЕГО

Тень над Испанией

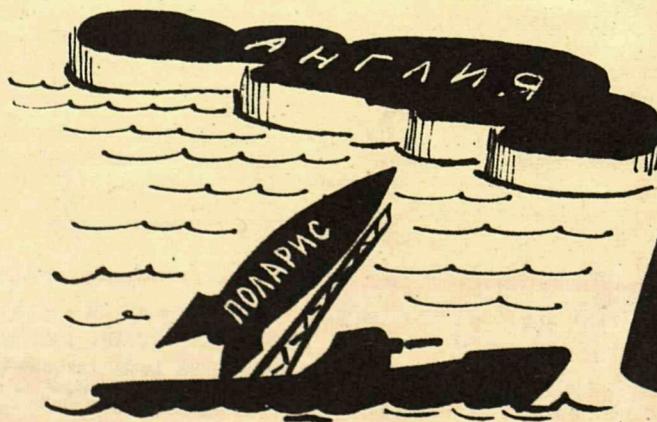
Тень над Пентагоном

Тень над Парижем

Тень над Бонном

Тень под Англией

Цена номера 12 коп.

Ю.Ф.